

ЦАРСТВО ТЕПЛА И ТЕНЕЙ

Если она уйдет во тьму,
он вернет ее к свету...

ЛЕЯ СТОУН

Лея Стоун
Царство Пепла и Теней
Серия «Young Adult. Хроники
Золотого города», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74228711

Царство Пепла и Теней: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-251059-5

Аннотация

Фэллон Бейн проклята: каждое чужое прикосновение оборачивается для неё нестерпимой мукой. Она давно смирилась, что не обнимет отца и не узнает, что такое любовь. Но сожаление всё равно пронзает девичье сердце.

Когда отец оказывается на грани жизни и смерти, Фэллон проникает в магический Золотой город, чтобы найти целителя. Обаятельный Арион берётся за исцеление – и случайно касается её кожи. Фэллон ждёт привычной пытки... но боли нет. Впервые в жизни она получает надежду. Но иллюзия разбивается вдребезги: Арион раскрывает её тайну влиятельным фейри.

Фэллон оказывается в магической академии, где узнаёт страшную правду о своей семье и тёмной силе, что течёт в её крови. Жизнь девушки и судьба всех фейри под угрозой. И среди всего этого хаоса она не может выбросить из головы один вопрос: суждено ли ей ещё раз коснуться Ариона перед смертью...

Содержание

1	7
2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лея Стоун

Царство Пепла и Теней

*Моей племяннице Эйвери. Неважно, насколько
быстро ты научишься читать, ты все равно самая
могущественная.*

Leia Stone

House of Ash and Shadow

Copyright © 2023. House of Ash and Shadow by Leia Stone.

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency
and Limited Liability Company “Andrew Nurnberg LA”.

The moral rights of the author have been asserted

© Галкина О., перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

КНИГИ ЛЕИ СТОУН:

ЦИКЛ «ХРОНИКИ ЗОЛОТОГО ГОРОДА»:

Царство Пепла и Теней

Продолжение следует...

ЦИКЛ «КОРОЛИ АВАЛЬЕРА»:

Последний король драконов

Сломленный король эльфов

Безжалостный король фейри

Запретный король волков

ЦИКЛ «АКАДЕМИЯ ПАДШИХ»:

Город Ангелов

Царство теней

Дочь тьмы

Последняя битва

1

– С днем рождения! – в один голос крикнули мы с Соррель, выпрыгнув из-под стола.

После долгого рабочего дня папа зашел в нашу скромную хижину. Несмотря на усталость, на его раскрасневшемся лице появилась улыбка.

Я взяла слегка кривобокий свежеиспеченный пирог и, шаркая по земляному полу, протянула ему.

– Апельсиновый с миндалем? – любопытствовал отец.

Я кивнула:

– Твой любимый. С медовой глазурью от миссис Ланкастер.

В отличие от папы, пекарь из меня никудышный, но кухня была моей стихией.

Моя соседка и любимая подруга Соррель взяла из рук папы сумку с инструментами и поставила на пол.

Отец, заметно пошатываясь с болезненным видом, направился к столу, и я нахмурилась.

– У тебя до сих пор жар?

Пару дней назад он поранился на берегу реки, и началось воспаление.

Отец кивнул и перевел взгляд на Соррель.

– Я смазал рану маслом нима, которое ты мне дала сегодня утром.

Соррель была нашей местной травницей-самоучкой. Пробелы в целительской магии она восполняла смекалкой.

– Так сколько тебе сегодня, лет семьдесят? – пошутила я. Отец усмехнулся.

– Примерно. От сорока четырех до семидесяти.

Он размял шею. Под ногтями и даже на острых кончиках ушей виднелась грязь.

Поскольку отец был одним из работников нашей деревни, я не припомню ни дня, когда он приходил домой чистым. Он всегда работал не покладая рук, и я гордилась им.

– Вы починили плотину? – спросила Соррель, отрезая отцу кусок пирога.

Тот кивнул.

– Да, пробоину залатали, вода не должна уйти.

Наша деревушка Изария находилась в трех часах ходьбы от Золотого города, где жили самые могущественные феи во всем королевстве. И пока в их распоряжении были водопроводная вода и прочие удобства, нам приходилось довольствоваться тем, что имеем: самодельной плотиной на Мертвой реке, впадавшей в Черничное озеро, названное так из-за ягод черники, росших вдоль берега. А реку прозвали Мертвой потому, что без плотины это был слабый ручей, из которого едва ли можно было напиться.

Озеро и плотина – наш островок спасения, они не только дают нам воду, но и защищают от грязи и засухи. Если мы их лишимся, никому не будет дела до того, что погибнут

несколько фей-изгнанниц.

Следующий кусок Соррель протянула мне, и я на миг задумалась, не снять ли длинные перчатки, чтобы спокойно полакомиться пирогом. Но лучше оставаться в них, чтобы не усугубить ситуацию. Не хватало еще испортить отцу праздник, корчась на полу от боли.

– Фэллон, у тебя есть любимая история, связанная с папой? – спросила Соррель, надкусывая пирог.

Я усмехнулась, глядя на того, кто растил меня как родную.

– Мне было двенадцать. Тогда я пришла из школы вся в слезах, потому что другие дети специально трогали меня, чтобы запустить мое проклятие.

Папа протянул руку и осторожно коснулся моей перчатки, стараясь не задеть кожу:

– Я тоже помню тот день.

У меня защемило сердце при воспоминании о том, как это было больно – и душой, и телом. До чего же несправедливо родиться с проклятием, над которым не имеешь власти, и нести его всю жизнь.

– Тогда ты сказал кое-что, что запало мне в душу, – продолжила я. – Ты сказал, что я не могу изменить то, как люди ко мне относятся, но могу изменить свою реакцию на их грубость. И именно это делает меня тем, кто я есть.

Я чувствовала, что это был поворотный момент в моей жизни. Я могла бы пойти по темному пути, озлобившись на весь мир и обвиняя судьбу. Но благодаря отцу я решила дер-

жаться за то, что мне подвластно, и за редкие счастливые мгновения.

Соррель тихо откашлялась.

– Если я не ошибаюсь, он еще вручил тебе кинжал, чтобы в случае чего ты могла защититься, – она указала на мой пояс, где я всегда носила нож.

Мы расхохотались, а отец кивнул:

– Что ж, мораль этой истории проста: будь добр к другим, но, если понадобится, умей постоять за себя.

– Мистер Брукшир, теперь ваша очередь. Расскажите любимую историю, связанную с Фэллон, – произнесла Соррель. В Изарии была традиция делиться воспоминаниями в день рождения и другие праздники, когда подарки были нам не по карману. Отец откинулся на стуле и с нежностью взглянул на меня. – Легко. В тот день я впервые увидел ее.

От его признания у меня в горле встал ком, и я вспомнила тот день, когда меня привезли в деревню глубокой ночью семнадцать лет назад. Меня оставили у ворот в маленькой корзинке, с неперерезанной пуповиной, наспех завязанной узлом. Внутри корзинки, под одеяльцем, лежала записка, в которой было всего три слова:

«Не трогайте. Проклята».

Можно представить, что стало с местными жителями. У них было много вопросов: что за проклятие? смертельное ли? оно постигнет любого, кто заберет меня? или это земельное проклятие, уничтожающее посевы? а может, порча на

болезнь, вроде чахотки, которая выкосит половину деревни? Такие проблемы были никому не нужны. Я была не нужна...

Я лежала в корзине и плакала всю ночь, пока, наконец, ранним утром на дорогу не вышел молодой человек лет двадцати пяти. Год назад его жена умерла от воспаления легких, и у них так и не было детей.

Они мечтали стать родителями, но она была бесплодна. Молодой человек без тени сомнения поднял мою корзину. Увидев, что его не настигла мгновенная смерть, жители деревни подошли поближе, чтобы разглядеть меня.

— Она всего лишь невинное дитя, — сказал мужчина. — Я позабочусь о ней, и какое бы проклятие она ни несла, пусть оно падет на меня.

Так мой отец и привязался ко мне. Он решился взять меня к себе, когда никто другой этого не хотел, все были слишком напуганы, чтобы приблизиться ко мне.

Отец сразу понял, что «не трогайте» дословно означает «не прикасайтесь к коже». То, что было привычным для всех остальных, причиняло мне невыносимую боль.

Всего лишь простое прикосновение кожа к коже, и я чувствовала, будто в меня ударила молния. Как вы можете себе представить, сменить грязные пеленки ребенку, к чьей коже нельзя прикоснуться, было практически невозможно. Первые пять лет моей жизни отец всегда носил перчатки до локтей. Как бы сильно он ни хотел снять с меня проклятие, нести это бремя пришлось мне одной.

— Для меня это тоже был лучший день, — сказала я, широко улыбаясь. — Хотя я его и не помню.

Затем мы с Соррель предались бесчисленным воспоминаниям детства, от которых хохотали до боли в животе.

Наконец, я взглянула на отца и заметила, что у него на лбу выступили капельки пота, а его румяные щеки побледнели.

— Папа, ты неважно выглядишь. Хочешь искупаться, а потом немного отдохнуть?

Он мягко улыбнулся и похлопал меня по руке в перчатке.

— Всегда думаешь об отце.

Поднявшись из-за стола, он поморщился и схватился за бок, а мы с Соррель тревожно переглянулись. Не удержавшись на ногах, отец пошатнулся и, чтобы не упасть, ухватился за край стула.

— Папа! — Я вскочила, чувствуя, как в груди колотится сердце.

Соррель подбежала к бледному, как воск, отцу.

И тут я в ужасе увидела, как он снова качнулся и рухнул, будто мешок с кирпичами, с глухим стуком ударившись об пол. Вскрикнув, я бросилась вперед, пытаясь поймать его, но было поздно. Отец был тяжелый, и я безуспешно пыталась дотянуться до него руками в перчатках.

— Соррель! — испуганно крикнула я, когда подруга осторожно положила его голову себе на колени, а я тем временем выпрямляла его ноги, чтобы он мог полностью лечь на спину.

Соррель принялась ухаживать за моим отцом, пока я ме-

рила шагами пол нашей хижины, не находя себе места.

– Инфекция еще есть. Пахнет тухлой рыбой. – Соррель нахмурилась, ощупывая живот моего отца.

– Вот этот крошечный порез? – Я склонилась над ней и посмотрела на маленькую ранку возле пупка. Кровь застыла у меня в жилах...

От раны расходились глубокие красные полосы и тянулись вверх до груди, но сам порез выглядел совсем маленьким. На днях отец поцарапался о ветку у реки. Я была вместе с ним.

– Все это из-за такой маленькой царапинки? – Я сдвинула брови. Во мне промелькнула тень беспокойства. Соррель подняла на меня испуганный взгляд.

– Фэллон, я уже видела подобное. Подобные красные линии, ведущие прямо к сердцу, означают смерть через сутки.

Она провела пальцем по отцовской груди, и у меня перехватило дыхание. Смерть? Нет. Это же всего лишь ветка! Идиотская маленькая ветка!

Слезы подступили к горлу, а Соррель накрыла живот отца полоской ткани. Затем она бережно опустила его голову на пол и шагнула ко мне.

– Я знаю, как он тебе дорог.

О Свет небесный! Она смотрела на меня так, словно я вот-вот потеряю отца. Прямо в его день рождения!

– Он – все, что у меня есть, – пролепетала я. Мое сердце готово было разорваться на части при мысли о том, что он

уйдет навсегда. – Может, нам добавить еще масла нима? Или мне сходить за травами? Дай мне список, и...

– Фэллон. – Соррель сжала мою руку в перчатке. – Это выше моих сил. Ты же знаешь, если бы я могла помочь ему, я бы сделала все необходимое. Но...

– Нет, – рявкнула я. Нельзя было впадать в отчаяние, мне необходимо собраться с духом. Он нуждался во мне. – Ты неправа. Что тебе нужно, чтобы спасти его? – Я испытующе посмотрела на Соррель.

– Тогда маг-целитель из Золотого города или дезинфицирующая настойка из аптеки. – Подруга пожала плечами.

Я понимала, что это сарказм, но она не знала, на что я готова пойти, чтобы спасти человека, который относился ко мне с таким теплом, как никто другой.

– Хорошо, – ответила я, отпуская ее руку и направляясь из кухни в свою маленькую комнату.

Спальный мешок беспорядочно валялся на полу. Я не заправила постель, как просил отец, и теперь жалела об этом. Мне следовало быть более послушной дочерью.

Опустившись на землю, я расправила два толстых одеяла и сложила уголки так, как ему нравилось, а затем подошла к своему сундуку.

– Э-э, Фэллон... – раздался в дверях голос Соррель, когда я достала из сундука кинжал и сунула его в сапог. – Что ты делаешь? – спросила она.

Соррель была моей лучшей подругой; она никогда не сме-

ялась надо мной из-за моей особенности и старалась не прикасаться ко мне. Когда мы были маленькими, она бросала камни в детей, которые издевались надо мной. Они хватали друг друга за руки и делали вид, будто плачут и бьются в конвульсиях, как я.

Она была настоящим сокровищем. Но подруга также придерживалась правил. Поскольку нас изгнали из Золотого города и лишили магических сил, жители Изарии строили козни против нас. Соррель была одной из тех, кто думал, что сможет наверстать упущенное, научившись читать и попытавшись стать травницей. Она хотела укрепить свое положение с помощью полученных знаний, и я уважала ее за это, но ей бы точно не понравилось то, что я задумала. И она бы точно попыталась остановить меня, так что чем меньше она будет знать, тем лучше.

Я встала, натягивая тяжелый серый плащ, который был мне на шесть дюймов короче и в котором было слишком много дыр. Затем я надела толстые замшевые перчатки до локтя, и Соррель встала в дверном проеме.

– Фэллон, я пошутила! Не можешь же ты пойти и привести целителя из Золотого города!

Я кивнула:

– Сперва схожу за настойкой.

Соррель округлила глаза.

– Дезинфицирующие настойки продаются только в Золотом городе!

– Не дай ему умереть, пока я не вернусь, иначе я тебе этого никогда не прощу, – сказала я, повернувшись к ней.

Лицо Соррель вытянулось. Конечно, не стоило так говорить и давить на нее, но я была настроена решительно.

– Ты же не серьезно? Мы ведь изгнаны. За незаконное вторжение в Золотой город без магических сил полагается смертельное наказание. – Она загородила проход, пытаясь остановить меня.

Мои глаза наполнились слезами, затуманивая зрение.

– Если он погибнет, внутри меня тоже все умрет, так что пусть лучше они прикончат меня сразу, – сказала я. – А теперь, прошу тебя, дай мне пройти!

Соррель знала, что я не стану бороться с ней. Все, что ей требовалось, – это протянуть руку и задеть маленький кусочек обнаженной плоти, и я бы в агонии рухнула на колени.

Подруга с трудом сглотнула.

– Ты неисправима.

Но в ее голосе слышалось смирение. Она была на два года старше меня, и я видела в ней старшую сестру. Они с матерью жили по соседству, и мы все детство провели вместе. Кому, как не ей, можно было доверить жизнь моего отца? Я кивнула.

– Знаю.

Она подняла руку, чтобы смахнуть слезинку со щеки.

– Как бы мне хотелось тебя обнять. Черт подери.

– Понимаю, – у меня дрогнул голос.

Мы не могли рисковать – даже легкое касание чужих волос приводило в действие проклятие.

Соррель отступила от двери, низко опустив голову.

– Пусть Свет защитит тебя.

«Пусть Свет поможет мне пробраться в аптеку и выйти незамеченной», – хотелось мне добавить.

Я подошла к отцу и погладила его по щеке. Он слегка пошевелился, на его бледной, серой коже появилась испарина. Сейчас ему было чуть за сорок, в темных волосах на висках виднелась легкая седина, но он был одним из самых сильных мужчин в нашей деревне. Я не позволю Свету забрать его из-за какой-то дурацкой ветки!

– Держись, старина. Я не отпущу тебя так просто, – сказала я ему, а потом отправилась в запретный для меня Золотой город.

Я ни разу там не была, не знала, где находятся аптеки, и у меня не было ни денег, ни статуса, чтобы добраться до заветной цели. Шансы вернуться в Изарию живой и спасти отца были крайне малы, но я не могла сидеть сложа руки и смотреть, как умирает самый главный человек в моей жизни.

Ни за что.

И будь что будет.

Дорога от нашей деревни, расположенной на окраине Золотого города, до самих золотых ворот занимала часа три. Я проделывала этот путь дважды в год, чтобы полюбоваться световым шоу в небе во время летнего и зимнего солн-

цестояния. Горожане играли на инструментах, танцевали и устраивали потрясающие представления, и все жители Изарии приходили, просто чтобы взглянуть на все это действо хотя бы издалека. Но я никогда не переступала их порога. Поговаривали, что по воротам пускали электрический ток.

Золотой город был богатейшим в королевстве, это читалось и в самом названии, и в стене, ограждающей его от бедных, бессильных фей вроде меня.

Ходили слухи, что городские ворота были сделаны не из настоящего золота, а сотканы из магических чар, которые королева Солана напустила для красоты. В любом случае я должна была пройти сквозь них, чего бы это ни стоило. За этими воротами были целители, живительные настойки и магия. Это был совершенно незнакомый для меня мир. Мир, который обязан спасти моего отца.

Я видела волшебство только два раза: однажды, когда королевский солдат Золотого города проходил через нашу деревню. В таверне «У Хипси», где я работала, он случайно использовал магию, чтобы солонка пересекла весь стол и оказалась у него в руке. Я ахнула, совершенно потрясенная увиденным, как и половина постояльцев. Но тот лишь застенчиво улыбнулся, как будто ему просто нравилось хвастаться перед сбродом бедняков, лишенных магических сил.

Во второй раз все было немного серьезнее. На нашу деревню напал Полуночник. Мы слышали крики миссис Терви и бросилась на помощь, но к тому времени, как мы подо-

спели, тварь уже вонзилась клыками в ее шею и жадно сосала кровь. Мой отец выстрелил из охотничьего лука, и Полуночник превратился в черную тень, а затем исчез. Я так перепугалась от увиденного, что не спала целых три ночи.

Голоса впереди заставили меня замедлить шаг. Я так глубоко погрузилась в свои мысли, что не заметила, как добралась до городской заставы. Уже совсем стемнело, и только луна освещала мне путь. Впереди виднелась сторожевая вышка, а за ней, среди густого леса, мерцали огни.

Ворота блестели в лунном свете, очерчивая территорию, на которую с завистью смотрели все, кому вход был закрыт.

Я собиралась отведать запретный плод Золотого города, и мне бы стоило опасаться. По крайней мере, руки должны были дрожать от волнения, но все, о чем я могла думать, — это отец и смертельные линии, прокладывающие себе путь к его сердцу.

Глубоко вздохнув, я сделала то, что у меня получалось лучше всего.

Исчезла.

Не в буквальном смысле, как фея-волшебница, вот бы у меня были такие способности, а так, как я научилась за семнадцать лет избегать любых прикосновений. Если меня не заметят, меня не тронут. А если меня не тронут, то я не почувствую боли.

Натянув капюшон, я прижалась спиной к деревьям и двинулась через лесную чащу. Я кралась на цыпочках, обхо-

дя листья, ветки и все, что могло издавать звуки. Ступала по мягкому мху и примятой земле. Умело лавируя между стволами, я могла проскользнуть мимо сторожевой вышки и обойти главный вход. Стража у ворот ни за что не даст мне попасть внутрь.

Наконец лес начал редеть, и за ним я увидела сияющие золотые ворота.

Мое сердце бешено заколотилось, когда я наклонилась, чтобы еще раз проверить, надежно ли спрятала кинжал в сапоге, где он будет скрыт от посторонних глаз. Понятия не имею, зачем я вообще взяла его с собой. Вряд ли я смогу ранить кого-то, пытаюсь спасти отца, но... кинжалом можно хотя бы отпугнуть. От одной мысли об этом меня охватил стыд.

Мой отец учил меня, как вырасти в деревне. Мы умели выживать в сложившихся обстоятельствах. Когда он подарил мне этот кинжал на мой двенадцатый день рождения, то сказал, чтобы я пользовалась им только в том случае, когда пойму, что меня могут лишить жизни. Конечно, жизнь в Изарии была тяжелой – расти без магии, влияния и денег было непросто. По сравнению с феями Золотого города мы умирали раньше, были тощими и находились в положении слуг, но мы не были преступниками. Мы не убийцы. И я не хотела кому-то навредить.

Сомневаюсь, что отец гордился бы мной, если бы я украла кое-что из Золотого города, еще и пустив в ход кинжал.

Но сейчас мне было все равно. Я хочу, чтобы он был жив и мог накричать на меня. Мне бы и этого хватило.

Полная решимости, я пробралась сквозь деревья и оказалась на широкой поляне, раскинувшейся перед золотой оградой. Торопливо оглядевшись, я никого не заметила и устремилась вперед. Я бежала по ровному, поросшему травой лугу, как львица, преследующая добычу. Я знала, что в этот момент меня мог заметить любой стражник, сидящий в высокой башне, и мне нужно было спешить. Я была в полной уверенности, что сумею перелезть через двадцатифутовую золотую ограду, пока не оказалась в нескольких шагах от нее и не услышала пронзительный гул.

У нас в Изарии не было электричества. Поскольку для генерации тока требовалась особая магия, да еще и дорогостоящий кристалл для ее улавливания, у нас даже никогда не было такой возможности им пользоваться. Но я слышала об электричестве, узнала из книг, когда Соррель научила меня читать.

Я знала, что ток издает жужжащий звук, и до меня доходила молва о том, что таким образом охраняется городская стена. Если прикоснуться к ней, случится болевой шок.

Забавно, я всегда описывала боль от чужих прикосновений как удар током, хотя понятия не имела, как это ощущается на самом деле.

Когда я была маленькой, Соррель читала мне книжку, в которой рассказывалось, как в мальчика ударила молния, и

все его тело жгло и тряслось, и ему казалось, будто вся кожа горит огнем.

Я тогда ахнула и сказала, что испытываю именно такое чувство каждый раз, когда кто-то трогает меня. Отец был рядом в этот момент. Сам он так и не научился грамоте и просто наслаждался историями, которые Соррель читала нам вслух.

Я никогда не забуду выражение его лица на мою фразу: глубочайший ужас. Он сказал нам с Соррель, что устал, и пожелал спокойной ночи.

В нашем доме плохая шумоизоляция, поэтому следующий час мы слышали его рыдания, доносившиеся из комнаты. Даже в раннем детстве я понимала, что своими рассказами о том, как я страдаю, я заставляю страдать и его, а я не хотела этого делать. Так что после того дня я перестала описывать отцу свои ощущения.

И вот теперь я смотрела на решетку золотых ворот и готовилась к тому, что, как я была уверена, будет очень мучительным. Если бы не отец, я бы ни за что не решилась на такое. Подойдя ближе, я пыталась спланировать, как буду карабкаться наверх, и задавалась вопросом, будет ли удобно держаться за прутья в перчатках, когда поняла, что зазоры между прутьями были огромными. Для взрослого мужчины тесновато, но для семнадцатилетней девчонки с недостатком веса и не слишком большой грудью... пожалуй, в самый раз! Я подумала, не проскользнуть ли мне между ними. Решив,

что попробовать все же стоит, я втянула живот и повернулась боком. По другую сторону ворот был лес, так что если я только смогу добраться до него, то без труда спрячусь от стражников. Недолго думая, я протиснулась в щель между прутьями и молилась Свету, чтобы мне удалось перебраться на ту сторону живой.

Верхняя часть тела проскользнула довольно легко. Но когда моя грудь задела прут, натянув ткань плаща, я охнула, и в тот же миг электрический разряд пронзил меня насквозь. Боль разлилась по позвоночнику, перехватив дыхание, и все мое тело содрогнулось. В последнюю секунду я успела пролететь через щель в заборе, прежде чем упасть на колени, и с моих губ сорвался вопль.

Было больно. Очень. Но не больше, чем мое проклятие. На мгновение мне стало грустно от осознания, что оно такое же сильное, как и защита, оберегавшая весь Золотой город от зла.

Оставшись на коленях и тяжело дыша, я доползла до густых зарослей в центре города и упала на спину. В голове у меня гудело, как после того, как меня случайно – или не совсем случайно – коснулись. Некоторым было любопытно, в основном в младшие школьные годы, и хотелось проверить, действительно ли на мне лежит проклятие. Или какая у меня будет реакция.

Мой отец едва не забрал меня из деревенской школы, потому что эти издевки стали слишком частыми.

Тогда я принесла в школу свой кинжал. И в следующий раз, когда кто-то специально дотрагивался до меня, чтобы посмеяться или понаблюдать, как я корчусь на полу, я выхватывала оружие и слегка прижимала его к горлу обидчика.

Это полностью прекратило нападки, и мой отец даже не слышал о том, что я приносила оружие в школу. Это была моя личная победа.

Отец...

Как бы мне ни хотелось лечь на холодную землю и охладить обожженную кожу, нужно было идти. Красные полосы на его животе означали скорую гибель. Если они доберутся до его сердца, он уйдет навсегда. Я не могла этого допустить.

Собравшись с силами, я направилась в город, прочь от золотых ворот, навстречу знакомым звукам веселья: звону бокалов, шуму голосов, топоту ног. Впереди была таверна, похожая на ту, в которой я работала.

Там обычно собирались люди, опьяневшие от медовухи, и, надеюсь, они не обратят внимания на мою поношенную одежду или на то, что я не знаю, как жить и что делать в якобы своем родном городе.

Выбравшись из зарослей на аккуратно вымощенную булыжником дорогу, я увидела высокое здание. Эта таверна была совсем не похожа на ту, в которой я трудилась в Изарии. Она была раза в четыре больше, сложенная из цельного красного кирпича, а на крыльце, кружась в танцах и поднимая бокалы, толпились феи.

Наверное, у них какой-то праздник. Или, может быть, день рождения. Не будут же они закатывать такой пир без повода? У кого будет столько денег, чтобы так гулять изо дня в день? Приблизившись к крыльцу, я скользнула глазами по феям, пытаясь найти кого-нибудь, кто внушал бы доверие.

Одна девушка, лет двадцати пяти, со скучающим видом разглядывала свои ноги.

Я подошла к перилам и окликнула ее:

– Мисс?

Та вскинула голову и посмотрела на меня, задержавшись на моем потрепанном плаще и стоптанных башмаках. Она слегка отшатнулась, и мне вдруг стало неловко.

Все эти феи были одеты в шелка и жатый бархат, их яркие наряды не видели больше трех стирок. Локоны были безупречно уложены, а лица напудрены и покрашены.

– Я приехала из другого города навестить свою кузину, но она уже легла спать. У меня очень болит голова. Как мне найти аптеку? – спросила я, не отрывая взгляда от мостовой. Впереди вилась цепочка домов, за которыми открывался вид на городской пейзаж. Я надеялась, что девушка просто подскажет мне верную дорогу.

– Голова болит? – она рассмеялась. – Мой друг знает кое-какие приемы врачевания. Он использует их в самых легких случаях, и головная боль для него – пустяк. Сейчас я его позову...

Я испуганно прервала ее:

– Мне бы лучше просто настойку, чтобы оставить немного на потом, когда рядом не будет целителя.

Подумать только, сколько раз в Изарии мы ложились спать с разными недугами и болью, а эльфы-целители просто слонялись по Золотому городу и лечили их совершенно бесплатно! Я запомнила слова феи, что магия ее друга применима только при легких болезнях, поэтому не собиралась просить его помочь моему отцу.

Девушка помолчала, но затем кивнула.

– Продолжай идти по этой дороге. Поверни направо на Розовую аллею, а потом – налево на Ивовую улицу, и увидишь аптеку «Авис».

От этих простых инструкций у меня в груди разлилось облегчение.

– Спасибо. – Я одарила ее искренней улыбкой и повернулась, направляясь прочь.

Сердце ушло в пятки, когда я шла и молилась, чтобы мой внешний вид не навлек на меня неприятностей. Неужели в Золотом городе нет бедняков? Женщина посмотрела на меня так, словно никогда в жизни не видела рваного плаща! Впрочем, неважно, у меня не было времени беспокоиться об одежде.

Мой отец был на пороге смерти. С этими мыслями я перешла на бег. По пути мне встретилась лишь пара человек, и оба пожилые. Они были похожи на торговцев, так как я видела, как один из них запирает дверь в часовую лавку. Пора

было возвращаться домой, и я не знала, что лучше – чтобы аптека была открыта или закрыта.

Если она открыта, я могла бы попросить подходящее лекарство, но тогда нужно будет его украсть, и аптекарь позовет стражников, чтобы задержать меня. А если аптека окажется закрытой, я могла бы разбить окно и проникнуть внутрь, но тогда мне придется самой искать нужное средство.

Как же Соррель его называла? Я уже забыла, но была уверена, что если увижу этикетку, то вспомню. Микстура от заражения? Я решила положиться на судьбу.

Дойдя до Розовой аллеи, я повернула направо, стараясь не смотреть на город с удивлением, как туристка. Но он был восхитителен. Красивее, чем я себе представляла. Во-первых, здесь было невероятно чисто. Дороги подметены, на них не было ни следа грязи или мусора. На каждой улице был маленький светящийся фонарь с висевшей корзиной цветов, и когда я подняла голову, чтобы посмотреть на источник света, то увидела кристалл. Он был точно таким же, как тот, о каком я читала, – тот, что феи заряжали магией, дающей электричество. От него исходил легкий лиловый ореол, который окутывал город нежным сиреневым сиянием. Фасады магазинов были окрашены в разные цвета: бледно-желтый, пыльно-розовый и светло-голубой. Смотреть на них было сплошным удовольствием, в этом месте не было ничего угнетающего. В Изарии на улицах всегда попадалось что-то, что нужно

починить или почистить, но здесь все было идеально.

Знак с надписью «Ивовая улица» вывел меня из оцепенения. Я повернула налево и тут же вскрикнула, столкнувшись лицом к лицу с городским стражником.

Из-под его мантии виднелась эмблема с золотым пламенем.

Он тоже вздрогнул от неожиданности, и я отскочила назад, чтобы избежать его прикосновения.

– Как вы меня напугали. – Я схватилась за сердце, пытаюсь придумать ответы на все возможные вопросы.

Почему я здесь? Почему я расхаживаю по улице так поздно и совершенно одна? Я вообще местная? И почему моя одежда такая изодранная? Стражник взглянул в мое лицо, наполовину закрытое плащом, а затем кивнул.

– Что ты здесь делаешь после комендантского часа?

Комендантский час? Думай, Фэллон, думай.

Мое сердце бешено колотилось в груди. Я представляла, как меня арестуют, когда я была уже так близко к своей цели.

– Мне нужно забрать товар из магазина, но сразу после этого я помчусь домой, обещаю!

Я развернулась, готовясь к бегству, если стражник решит схватить меня.

– Ты же знаешь, что после комендантского часа ты должна оставаться на западе города. Так что не попадайся на глаза другим стражникам, ладно? – Он ответил самодовольной ухмылкой.

На западе? Почему?

– Хорошо, – пробормотала я и с облегчением выдохнула. Стражник кивнул и ушел.

Слава Свету. Вздохнув, я продолжила свой путь.

Что находилось на западе города и почему я должна была там остаться? Я не стала ждать, чтобы узнать это. Я просто развернулась и проворно зашагала по Ивовой улице, разглядывая магазины в поисках заветной вывески. «Гастроном Делайлы», «Сладости Суонн», «Волшебная лавка Мэй» и... вот она, «аптека «Авис», с узорами и замысловатым набором букв.

Надо бы вернуться домой и сказать Хипси, что ей нужно сменить название своей таверны на «Таверна Табиты», чтобы быть в тренде.

Усмехнувшись этой мысли, я подошла к двери. Сердце екнуло, когда я увидела табличку «Закрыто» и тусклый свет лампочки внутри.

Нет...

По правде говоря, мне не хотелось вламываться. Я не хотела воровать, но у меня не было денег, чтобы заплатить за лекарство, пройдя такой долгий путь, я понимала, что дороги назад уже не было.

Оглянувшись через плечо, убедилась, что, кроме меня, на улице никого нет.

Я как бы невзначай наклонилась и подняла тяжелый булыжник, которым была выложена симпатичная цветочная

клумба у входа.

Недолго думая, я запустила камнем в витрину, и она разлетелась вдребезги от одного удара. Камень выскользнул у меня из пальцев и с громким стуком упал на пол по ту сторону двери.

Я снова обернулась, ожидая, что меня заметит прохожий или стражник, но вокруг не было ни души. Просунув руку внутрь, я щелкнула дверным замком, и она легко поддалась, стукнувшись о камень и протаскив его по полу.

Войдя внутрь и закрыв за собой дверь, я поняла, что уже была близка к тому, чтобы найти лекарство для моего отца. Энергия наполнила меня, спотыкаясь, я подошла ближе, окидывая взглядом полки. Там были порошки, мази, капсулы, кристаллы, чай, масла. Маленькие скляночки, большие бутылки, пакетики, пипетки, баночки. Выбор впечатляющий.

Мой взгляд скользнул по всему этому многообразию, и я громко ахнула, когда мне на глаза попало слово «Настойки», выгравированное на вывеске за прилавком. Там была целая стена из маленьких синих стеклянных бутылочек. Обогнув прилавок, я начала вглядываться в этикетки при тусклом освещении, радуясь, что Соррель научила меня читать. «Голованеболин», «Мазь от боли в спине», «Крем от мешков под глазами», «Антисыпь»...

– Похоже, твои дела совсем плохи, раз ты разбила мне витрину, – раздался женский голос позади меня.

Я замерла, зажав в дрожащей руке пузырек с дезинфицирующей настойкой. Мое дыхание участилось, а тело сжалось, как пружина, готовясь к бегству в любой момент.

Я обернулась и встретила взглядом с миловидной феей лет сорока, с каштановыми волосами, слегка затронутыми сединой. Она стояла посреди зала в ночной рубашке и с усмешкой разглядывала осколки стекла.

– Мой отец при смерти. Красные линии от зараженной раны проникают в его сердце. Мне нечем платить, простите, пожалуйста, – затараторила я в надежде, что она не напустит на меня чары или не позовет стражу.

Может, вытащить кинжал? А вдруг у нее есть магическая сила, способная меня задержать? Фея отрезала мне путь к выходу, и я пожалела, что не продумала все как следует.

Медленно кивнув, женщина сложила руки и слегка нахмурилась, глядя на меня.

– Если появились красные полосы, то настойка не подействует. Ему нужен целитель. В Академии есть студенты-медики, которые лечат пациентов бесплатно, для практики. Им нужно необходимое число различных случаев, чтобы успешно пройти обучение.

Я мысленно прокручивала ее слова. Ничего не понимаю. Она... помогала мне? Разве не понимала, что я не из этих мест?

– Но ведь я разбила вашу витрину, – выпалила я, удивляясь, почему, во имя Света, после этого она решила мне по-

мочь.

Фея кивнула.

– Значит, тебе это было необходимо. Помогать людям – моя работа. Жаль, что ты просто не постучала.

Мои щеки вспыхнули от стыда, и я тут же почувствовала себя скверно. Я совсем не подумала о том, чтобы постучать и просто попросить милостыню.

Она жила прямо здесь? Я оглядела аптеку и, конечно же, увидела открытый стеллаж, скрывавший потайную дверь, которая, должно быть, вела в ее жилище.

– Мне... мне очень стыдно. Я постараюсь заплатить.

Это была жалкая ложь. В Изарии мы не расплачивались монетами. Я работала в таверне по бартеру. У нас не было нужды в деньгах.

Тогда женщина прищурилась и строго посмотрела на меня, уперевшись рукой в бедро.

– О, я очень надеюсь, что ты вернешься и отработаешь свой долг, – она указала на разбитое стекло.

Работа. В Золотом городе? Значит, она не поняла, что я не местная.

Сейчас меня занимало новое знание об Академии, которая, вероятно, готовила целителей и оказывала бесплатную помощь.

– Напомните, как мне попасть в Академию? У моего отца не так много времени, ночь выдалась кошмарной, и я совершенно запуталась.

Я показала назад и в стороны, пытаясь узнать дорогу.

Фея закатила глаза.

– Ах да, Академия! Большое черное здание к западу отсюда. Наверное, ты мечтала там побывать, еще когда была совсем крошкой?

Я кивнула:

– Ну конечно!

Я понятия не имела, что это за Академия, но мне нужно было немедленно попасть туда, чтобы найти целителя. Я бы привела его к отцу и дала бы настойку, тогда он точно останется жив.

Я сунула пузырек с обеззараживающим средством в карман.

– Настойку тоже стоит попробовать, – солгала я. – На всякий случай, вдруг ему поможет.

Аптекарьша вздохнула, смирившись.

– Что ж, ладно, моя дорогая. В следующий раз стучи. Ты же знаешь, я всегда помогу тем, кто живет на Западе.

Опять Запад. Сначала стражник, а теперь и она. И тут до меня дошло, что в Золотом городе все-таки есть бедняки, и у меня сжалось сердце, когда я поняла, что во мне сразу узнали одну из них.

– Большое вам спасибо... – пробормотала я.

Выйдя из-за прилавка, я немного поколебалась, прежде чем подойти к двери и открыть ее.

– Я жду, что завтра ты уберешь за собой осколки! – крик-

нула она мне вслед. — Метла будет здесь.

Знала бы эта женщина, что больше никогда меня не увидит. Мне даже польстило, что она думает, будто я живу в Золотом городе, пусть даже и в бедном районе.

Еще раз поблагодарив ее, я отправилась искать целителя для моего отца.

Чего я не могла ожидать, так это найти нечто большее, чем просто настойку.

Академия представляла собой впечатляющее здание из черного кирпича с позолоченными шпилями и купольными сводами. Но оно было единственным источником тьмы, потому что почти все стороны фасада оплетали виноградные гроздья и яркие цветы. Больше всего меня привлекли фиолетовые бутоны, обрамлявшие окна. Казалось, что в свете луны от них исходит сияние. Да и само здание словно дышало жизнью благодаря растениям, украшавшим его углы.

В Академии было больше пяти этажей, я еще ни разу не видела настолько высоких сооружений. Парадные ворота были распахнуты настежь, так что я вошла прямо в залитый светом двор, где на скамейке, смеясь и болтая, сидела кучка студентов.

Я решила, что буду вести себя как «западная» фея и делать вид, будто я здесь живу. Когда я подошла к девчонкам, они притихли, а одна из них с презрением взглянула на меня.

– Что, бедняжка, заблудилась? – усмехнулась белокурая девушка, и ее подружки захихикали.

Да уж, чем больше я узнавала здешних учеников, тем меньше они мне нравились.

– Мне нужен целитель. Срочно.

Я высоко подняла голову, стараясь держаться так, словно точно знала, о чем говорю.

Девушка рассмеялась.

– Ну тогда иди в западную клинику, где тебе и место, – скривив губы, она уставилась на мои ботинки.

Ого, значит, богачи и бедняки были полностью изолированы друг от друга? Почему-то мне стало противно. Я всегда представляла, что в Золотом городе полно фей, обладающих безграничной силой, что все они равны и ко всем относятся одинаково. Что изгой здесь только те, кто лишился магии и отправлен в Изарию, как мы.

– Мне нужен ученик-целитель, который согласится работать бесплатно. Мой отец умирает! – от волнения мой голос зазвучал резко.

Девушки на скамейке ничего не ответили, но фея, которая все это время молча стояла, прислонившись к дальней стене, и наблюдала за нами, откашлялась:

– Я отведу тебя в клинику. – Она отошла от стены и двинулась ко мне. У нее были короткие, непослушные, выющиеся рыжие волосы и воинственный взгляд.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Эту нищebroдку? Да ладно, Иден, ты же знаешь, что ей нельзя здесь находиться, – сказала высокомерная девчонка моей новой помощнице.

Иден смерила нахалку взглядом:

– Можно подумать, ты никогда не нарушала правила, Блэр.

Блэр замолчала, а Иден махнула мне, указывая в сторону

длинного прохода между двумя высокими корпусами.

Как только мы остались одни, она слегка улыбнулась мне.

– Не обижайся на нее. Ты не виновата, что родилась с недостатком магии. Я никогда не понимала этого неравенства в городе.

Ах вот оно что. Выходит, жители Запада жили на Западной стороне, потому что у них были слабые чары, в то время как могущественные феи жили на востоке города и учились в престижной академии. Теперь все начинало проясняться. Иерархия, основанная на силе. Я только кивнула, не желая говорить слишком много, чтобы не выдать себя.

Пока мы шли по коридорам, я невольно глазела по сторонам. Двери в классы были открыты, и я поймала себя на том, что заглядываю внутрь. Чистые парты, новенькие учебники, стена, увешанная оружием, и комната, похожая на спортивный зал с матами на полу. Там студенты выполняли какие-то упражнения, и я замерла, когда у одного из них из ладони вылетел огненный шар, разбившись о нагрудные латы другого парня.

Иден хихикнула.

– Здешние ребята любят повыпендриваться.

– Вы живете в кампусе? – спросила я ее, радуясь, что академия, судя по всему, открыта допоздна.

Она покачала головой, отчего растрепанные локоны рассыпались по лицу

– У нас сегодня был полевой выезд, так что нам пришлось

задержаться, чтобы успеть на занятия, а студенческая клиника всегда работает до ночи.

Миновав зал, мы направилась к зданию в центре двора.

Я молчала, впитывая увиденное.

– Слушай, похоже, твоей отец совсем плох? – спросила Иден.

Я кивнула, пытаясь сосредоточиться на текущей задаче.

– Хорошо, не сдавайся. Чем больше ты будешь представлять ситуацию как вопрос жизни и смерти, тем больше у тебя шансов отыскать могущественного целителя, который согласится отправиться на Запад ради твоего отца.

К сожалению, мне ничего не нужно было представлять. Отправиться на Запад... Что ж, надеюсь, этот момент можно обсудить. Но я действительно ценила ее доброту, и она не смотрела на меня как на отброс, что уже было маленькой победой.

Когда мы подошли к очередному корпусу из неизменно-го черного кирпича, с позолотой и цветочным обрамлением, я пристально рассмотрела табличку над двойными дверями. На черной вывеске металлическими буквами значилось «Университетская клиника». Ниже серебряной краской было выведено: «Входите на свой страх и риск». Я нахмурилась, но Иден только усмехнулась.

– Они действительно профи. Только лучшие из лучших попадают в Академию. К тому же, если ты отвезешь своего отца в Западную клинику, он прождет в очереди несколько

часов и умрет на улице еще до приема.

У меня внутри все похолодело от ее вердикта.

– Откуда ты столько всего знаешь о Западе? – спросила я.

Иден на мгновение изменилась в лице, помрачнела, но ничего не сказала и просто протянула руку, чтобы отворить двери, и провела меня внутрь.

За столом беседовали двое парней в серебристых шелковых туниках, доходивших до икр. Я старалась не показывать свое изумление при виде вытатуированных серебряных знаков на тыльной стороне их ладоней. У одного было явно больше татуировок.

Когда мы подошли, оба подняли головы и непринужденно улыбнулись Иден, а затем встали.

– Привет, Ид, – поздоровался зеленоглазый брюнет. Другой парень, долговязый эльф с волосами до подбородка цвета лунного света и серыми, стальными глазами, уставился прямо на меня, и меня словно ударили под дых. У меня перехватило дыхание, когда его пристальный взгляд встретился с моим, пробуждая какое-то осознание глубоко внутри. Я не могла не быть очарованной его присутствием.

Он медленно обвел меня глазами, начиная с моих черных прядей волос и заканчивая потрепанными перчатками до локтя, а затем и грязными, стоптанными сапогами. Он задержался на моем лице, на губах, и все мои внутренности скрутило в узел.

– Ее отец очень болен. Ему нужен целитель, а у нее нет де-

нег. — К счастью, Иден заговорила за меня, поскольку в этот момент я приросла к полу, пока сероглазый бог испепелял меня взглядом.

Я никогда в жизни не чувствовала себя такой незащищенной, как будто стояла перед ним совершенно голой. Казалось, что просто одним взглядом он прикоснулся ко мне. Я подумала, не произойдет ли сейчас какая-то магия, но зеленоглазый резко стукнул сероглазого в грудь, лишив его власти надо мной.

— Арион, проснись, — сказал он, и тот, слегка помотав головой, перевел взгляд на Иден.

— Привет, Ид.

Арион. Даже звучание его имени творило со мной странные вещи, вызывая жар внутри.

Иден кивнула.

— Ты можешь ей помочь? Нужно будет кое-куда съездить. Твой отец ведь не может двигаться, верно?

Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, как будто просила приукрасить его недуг. Я с трудом сглотнула и рассказала им правду.

— Несколько дней назад он оцарапал живот о ветку дерева. После этого началась лихорадка, потом он потерял сознание, а теперь... от раны к его сердцу тянутся красные полосы.

Весь зал, включая Иден, ахнул, а Арион, к моему изумлению, перемахнул через стойку и бросился ко мне.

— Так это как раз по моей части, Хейз! — крикнул он зеле-

ноглазому.

– Какого фея, чувак? Мне тоже нужен случай сепсиса! – заупрямился Хейз.

– Пойдем, – настойчиво сказал мне Арион и взял меня за плечо, как будто хотел увести. От его прикосновения я напряглась всем телом, хоть и была под защитой плаща и перчаток. Он с таким рвением был готов вылечить моего отца. И неважно, что, по сути, Арион боролся за это дело не по доброте душевной, а просто ради экзамена. Мне было все равно. Мне просто нужна была хоть какая-нибудь помощь.

– Удачи! – крикнула нам Иден, когда мы подошли к двери. Я обернулась и помахала ей рукой.

– Спасибо!

– Подожди, как тебя зовут? – окликнула меня Иден.

– Фэллон! – крикнула я в ответ, и она снова махнула рукой.

– Увидимся!

Очень сомневаюсь.

Мы быстрым шагом пробирались по кампусу, и не успела я опомниться, как перед нами возникла конюшня.

– На моей лошади мы быстрее домчимся на Запад. Красные полосы означают, что твоему отцу осталось максимум несколько часов.

Он набросил седло на красивую вороную кобылу.

В голове проносилась куча ужасных мыслей, поток сценариев в духе «а что, если», и все они кончались смертью отца.

Сердце бешено заколотилось, и я почувствовала, как взмокли ладони в перчатках.

– Держи себя в руках, Фэллон, – приказала я себе, глядя на лошадь.

У нас в Изарии не было лошадей. Они предназначались для богачей, поэтому у меня даже не было возможности научиться ездить верхом. У нас были две дойные коровы, которые нужны в экстренных случаях, чтобы возить больных, но обычно мы ходили пешком. Если от животного нельзя было добыть молока или мяса, зачем кормить лишний рот? Чужеземцы проезжали через наш город верхом на лошадях, и я даже видела, как двое ехали вместе, женщина крепко держалась за своего мужа, обняв его за спину, но для меня это было невозможно.

Даже в плаще и перчатках оставались болевые точки, способные вызвать мое проклятие. Мои волосы могли коснуться его шеи. Мои лодыжки могли коснуться лошади, и да, животных это тоже касалось. Похоже, тот, кто проклял меня, хотел, чтобы я никогда не ощутила физическое проявление любви от живого существа. Никогда.

Арион натянул длинный дорожный плащ, который вынул из переметной сумки, и я почувствовала себя немного лучше. Может, это сработает... Если быть осторожнее, мы должны без проблем вернуться в Изарию. Он сказал, что отцу остается жить всего несколько часов... Мы не можем потерять и трех часов на путь домой.

– Значит, ты правда согласен? – спросила я, надеясь, что он в таком же отчаянии, как и я.

Он кивнул.

– Я чуть ли не с прошлого года ждал пациента с сепсисом. Мой учитель будет в восторге.

Я нахмурилась.

– Откуда он узнает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.